

УДК 341.4

Н.А. ЗЕЛИНСКАЯ,
кандидат юридических наук, доцент

Одесская национальная юридическая академия

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В связи с тем, что преступность в последние годы все чаще носит международный характер, возникает острая необходимость международного сотрудничества. В статье в различных аспектах рассматривается международное уголовное право, его интерпретации, концепция. Автор анализирует различные точки зрения на вопросы, связанные с понятием международного уголовного права, с трактовками данного термина, и высказывает собственное мнение по данным вопросам.

Беспрецедентное возрастание масштабов и опасности международной преступности обуславливает повышение значения международного сотрудничества в противодействии ей и, соответственно, научных исследований в этой сфере. Правовой базой таких исследований являются уголовно-правовые аспекты международного права и международно-правовые аспекты национальных уголовно-правовых систем, то есть, с одной стороны, – "межгосударственное публичное международное уголовное право" (*interstate public international criminal law, Volkerstrafrecht*), с другой – внутригосударственное международное уголовное право ("*municipal*", или "*domestic*" *international criminal law*) [1]. Эти аспекты имеют определенное феноменологическое единство, и необходимость их изучения предопределяет существование комплексной научной дисциплины, охватывающей все направления международного сотрудничества в противодействии преступности.

Для обозначения рассматриваемой области юриспруденции широко используется термин "международное уголовное право", однако его интерпретация далеко неоднозначна и требует некоторых оговорок. Доктрина международного уголовного права начала свое существование с исследования проблем взаимодействия государств в осуществлении мер уголовной репрессии и охватывала все вопросы, лежащие на сты-

ке международного права и национальных уголовно-правовых систем (преимущественно, регламентацию уголовной юрисдикции и права, применимого в отношении преступлений с иностранным элементом, то есть проблемы, аналогичные тем, которые возникают в процессе рассмотрения гражданских дел и относятся к "коллизийному" или "международному частному праву").

Считается, что аналог термина "*international criminal law*" – "международное уголовное право" – появился в немецкой юридической лексике в 1862 году. Л. фон Бар рассматривал международное уголовное право отдельно от международного частного права [2]. Как известно, термин "*private international law*" – международное частное право – был применен Дж. Стори в 1834 году. Дж. Стори посвятил главу своего трактата о конфликтах права (*Commentaries on the Conflict of Laws*) коллизиям в уголовном праве. Поскольку международное уголовное право изначально считалось правом, регулирующим узкую сферу вопросов, касающихся юрисдикции внутригосударственных уголовных судов, некоторыми авторами оно не причислялось к международному публичному праву и относилось к частному международному праву. С другой стороны, многие ученые категорически не соглашались с той точкой зрения, что международное уголовное право связано с международным частным правом.

Исходя из того, что международное частное право является частью частного права, а уголовное право, в свою очередь, – частью публичного права, они считали, что граница между частным и публичным правом столь четко и жестко определена, что ничто, связанное с публичным правом, не может быть квалифицировано как часть международного частного права.

"Как доктрина международное уголовное право с самого начала фактически включало в себя целый спектр проблем, связанных с международными аспектами применения внутренних систем уголовного права", – подчеркивает Э.М. Вайс [3, с. 804]. В XIX веке концепция международного уголовного права была сфокусирована, преимущественно, на теориях национальной уголовной юрисдикции и вопросах взаимной юридической помощи государств по уголовным делам. Термин "международное уголовное право" широко использовался специалистами в области международного и уголовного права для обозначения правовых норм внутригосударственного и международно-правового характера, регламентирующих международное сотрудничество в борьбе с преступностью. Уже тогда он вызывал острую критику и получал самые различные интерпретации [4].

В.Э. Грабарь, проанализировав работы российских ученых до начала XX века, сделал вывод о том, что "международное уголовное право содержит начала и нормы уголовного права, направленные на борьбу с преступлениями, посягающими на блага всех государств или определенной части их" [5]. Интернационализация преступности неизбежно влекла за собой интернационализацию ответных мер общества. Под влиянием этого процесса международное уголовное право вышло за пределы регламентации судебной помощи по уголовным делам: координация совместных усилий государств по противодействию преступности вошла в сферу интересов международного уголовного права, существенно расширив его концептуальные рамки.

Особую значимость приобрела проблема гармонизации мер уголовной репрессии. "Идея сближения человечества, а равно охраны чело-

веческой личности и ее правовых интересов, в области международного права должна была выдвинуть, несомненно, вопрос и об объединении норм права, охраняющего личность и ее интересы во внутренней государственной жизни", – писал Н.А. Захаров, подчеркивая, что "нормы уголовного права более поддаются объединению, так как понятие уголовного преступления является более или менее одинаковым в государствах культурного мира" [6].

Множественность и неопределенность значений, вкладываемых в термин "международное уголовное право", не стали препятствием для его дальнейшего использования: лаконичное обозначение обширного комплекса проблем, связанных с взаимодействием национальных уголовно-правовых систем и учреждением международной уголовной юстиции, сохранило свою привлекательность.

В ходе острой дискуссии, осложненной политическими и идеологическими противоречиями, на протяжении всего XX века шло интенсивное развитие международного сотрудничества в противодействии все более интернационализирующейся преступности. Две мировые войны XX столетия, явившие миру злодеяния невиданного ранее масштаба и цинизма, с особой остротой поставили вопрос об учреждении органов международной уголовной юстиции, облеченных правом осуществлять уголовное преследование от имени мирового сообщества. Революционное значение для развития международного уголовного права имело учреждение Нюрнбергского трибунала, положившее начало практическому осуществлению этой идеи. После II Мировой войны в системе международного права сложилась система норм, преодолевающая ограниченность национального права, имеющая свой механизм криминализации и механизм правосудия, то есть система, устанавливающая преступность деяния и подчиняющая его своей юрисдикции. Она стала функциональным аналогом национального уголовного права и получила название "международное уголовное право *stricto sensu*". Это существенно изменило направление дискуссии относительно содержания рассматриваемого понятия и при-

дало ей дополнительный импульс. Ныне одни ученые признают существование международного уголовного права в узком значении, отрицая широкую концепцию, другие – поддерживают широкое толкование, сомневаясь в существовании международного уголовного права *stricto sensu*, третьи – отрицательно относятся к самому термину "международное уголовное право", считая его не вполне корректным. Некоторые специалисты исключают существование международного уголовного права на основании того, что не существует центрального правотворческого и правоприменительного органа. Многие ученые, рассматривая международное уголовное право сквозь призму национального права, сосредоточивают свою критику на аргументации незрелости международной уголовно-правовой системы и ее несоответствии представлениям и требованиям внутригосударственного права.

В 1950 году на фоне всеобщего энтузиазма относительно перспектив международной уголовной юстиции, связанного с деятельностью Нюрнбергского и Токийского трибуналов, известный британский ученый Дж. Шварценбергер весьма резко высказался против международного уголовного права. По мнению Дж. Шварценбергера, возникшая в XIX столетии континентальная доктрина принадлежит не международному, а внутригосударственному праву. Проанализировав шесть вариантов трактовки этого понятия, Дж. Шварценбергер пришел к заключению, что международного уголовного права в истинном смысле не существует: этот термин содержит в себе противоречие, поскольку предполагает наличие надгосударственной власти. Отсутствие власти, которая была бы способна применять право по отношению ко всем государствам, включая те, которые имеют право вето в Совете Безопасности ООН, лишает международное сообщество наиболее существенного условия, от которого зависит уголовное право. Дж. Шварценбергер подчеркивал, что как отдельная отрасль международного права "международное уголовное право" еще не развилось [7].

Другой авторитетный ученый, Э.М. Вайс, также выражал сомнения в том, что современ-

ное международное сообщество имеет социально-политическую базу, необходимую для создания системы уголовного права, аналогичной национальным системам. Сомнения относительно реальности существования международного уголовного права в *stricto sensu*, в конечном счете, опираются на скептицизм относительно реальности существования подлинно международного сообщества. Международная система, по мнению Э.М. Вайса, имеет очень слабую степень единства и не составляет "международное сообщество", а без такового не может быть никакого международного уголовного права. Тем не менее Вайс охотно признает широкую концепцию международного уголовного права. "Несмотря на то, что международное уголовное право в широком смысле может напоминать некую гетерогенную массу норм, эти нормы отражают цели уголовного права и процесса в международном контексте и, в конечном счете, составляют тематическое единство, образующее "международное уголовное право, – пишет он. – Во всяком случае, никто не возражает против того, что они заслуживают быть объединенными для изучения под одним заголовком" [8, с. 806, 819].

Несмотря на критику, концепция международного уголовного права утвердилась в мировой юридической литературе. Более того, термин "международное уголовное право" становится все более востребованным в современной юриспруденции [8 – 17]. Советские юристы приняли активное участие в формировании концепции международного уголовного права [18 – 22].

С 90-х годов прошлого века термин "международное уголовное право" приобрел признание в постсоветских странах и был широко использован в наименовании учебников и научных работ [23 – 30]. Тем не менее единства в его трактовке по-прежнему не существует. Многочисленные определения, как правило, акцентированы на каком-то одном аспекте. Так, В.П. Панов полагает, что "международное уголовное право – это система принципов и норм, регулирующих сотрудничество государств в борьбе с преступлениями, предусмотренными

международными договорами" [23, с. 14-15]. По мнению И.П. Блищенко и И.В. Фисенко, "система международного уголовного права как отдельной отрасли международного права охватывает материальные и процессуальные принципы и нормы сотрудничества государств по предотвращению, расследованию и наказанию за совершение международных преступлений и преступлений международного характера" [32]. Н.И. Костенко пишет, что "международное уголовное право представляет собой систему общепризнанных международно-правовых принципов и норм, регулирующих сотрудничество между субъектами международного права по предупреждению и привлечению виновных лиц за совершение международных преступлений и преступлений международного характера, оказанию судебной помощи, проведению расследования, уголовного преследования и судебного разбирательства, применению и исполнению меры наказания, обжалованию и пересмотру судебных решений, предусмотренным общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами государств" [31, с. 48].

Относительно отраслевой принадлежности международного уголовного права высказывались и высказываются разные точки зрения. Еще в 1983 году Ю.А. Решетов писал, что "международное уголовное право – это комплексная отрасль, включающая в себя материальные и процессуальные нормы, которые, в свою очередь, могут относиться как к международному публичному, так и к международному частному, а также к национальному уголовному праву" [33]. Эта точка зрения стала предметом обсуждения и вызвала возражение строгих последователей дуализма в теории международного права. И.И. Лукашук и А.В. Наумов в своем совместном труде "Международное уголовное право" пишут: "Международное уголовное право – отрасль международного публичного права, принципы и нормы которой регулируют сотрудничество государств и международных организаций в борьбе с преступностью" [26, с. 9]. Критикуя утверждение о том, что международное уголовное право включает как между-

народные нормы, так и нормы внутреннего уголовного права, И.И. Лукашук и А.В. Наумов замечают: "Подобный конгломерат невозможен, поскольку речь идет о слиянии различных правовых систем. Каждая из них имеет принципиально отличный механизм правотворчества и правоприменения, иную правовую природу. Тем не менее, совместное изучение международного уголовного права и соответствующих норм внутреннего уголовного права в учебных целях вполне целесообразно" [26].

Завершая изложение точек зрения на понятие "международное уголовное право", попытаемся сформулировать свою (ни в коей мере не претендующую на оригинальность) позицию. Итак, как видим, термин "международное уголовное право" используется для обозначения отрасли публичного международного права и в то же время для обозначения сферы юриспруденции, исследующей уголовно-правовые аспекты международного права и международно-правовые аспекты национальных уголовно-правовых систем. Не вызывает сомнения вполне очевидный факт функционирования в правовой среде большого количества норм, регламентирующих международное сотрудничество государств в противодействии преступности. Эти нормы имеют как международно-правовое, так и национально-правовое происхождение.

Иногда вопрос ставится следующим образом: относится международное уголовное право к международному или уголовному праву? Такая постановка вопроса представляется некорректной: в данном случае нет дилеммы. Определения "*международное*" и "*уголовное*" право не противоречат друг другу, так как уголовными являются нормы, имеющие как *национальное*, так и *международно-правовое* происхождение, соответственно, уголовное право может быть как внутрисоветским, так и международным. Существование международного уголовного права как отрасли международного права не исключает наличия в национальном праве отдельных государств большого количества норм, регламентирующих порядок взаимодействия этого государства с другими государствами в вопросах уголовной юстиции и

противодействия преступности, то есть своего, внутреннего "международного" уголовного права (внутригосударственного права антикриминального международного сотрудничества).

Система норм, имеющих международно-правовое происхождение, претендует на "звание" международного уголовного права как отрасли международного права. Для того чтобы решить, насколько обоснованы такие претензии, нужно, прежде всего, ответить на вопрос: являются ли нормы, регламентирующие материально-правовые аспекты такого взаимодействия, уголовно-правовыми, то есть действительно ли это уголовное право? Такая постановка вопроса предполагает обсуждение, как минимум, двух его аспектов.

Во-первых, соответствует ли международное уголовное право юридической природе уголовного права, не выходит ли за его концептуальные рамки? Ответ на этот вопрос, в значительной мере, зависит от того, включаем ли мы в предмет международного уголовного права правоотношения, возникающие с совершением государством серьезного правонарушения ("квазипреступления"). Признание того, что государства являются субъектами преступлений и подлежат ответственности в соответствии с международным уголовным правом, привело бы к коренной ломке всех понятий, лежащих в основе уголовно-правовой системы: от преступления до наказания. Такие революционные изменения вряд ли оправданны. Международное уголовное право строится на принципе индивидуальной уголовной ответственности; его основными категориями остаются уголовная ответственность и преступление как уголовное правонарушение. Государство не подлежит уголовной ответственности и не является субъектом преступления в уголовно-правовом смысле. Нормы, регламентирующие ответственность государств, не включаются в международное уголовное право и, таким образом, не выводят его за концептуальные рамки уголовного права.

Во-вторых, можно ли назвать нормы, регламентирующие материально-правовые аспекты взаимодействия национальных уголовных правосистем в международном пространстве,

именно уголовным правом? Ответ на этот вопрос зависит от того, какое значение вкладывается в понятие "уголовное право". "Уголовное право – это право о преступлении и наказании, – пишет А.В. Наумов. – На языке некоторых европейских народов оно нередко имеет двойное название, в зависимости от того, какая идея лежит в основе его концепции. Если идея преступления, то его называют *criminal law* (англ.), *droit criminel* (франц.), *criminal-recht* (нем.) – от лат. "*crimen*" (преступление), то есть право о преступлении. Если же на первое место выдвигается идея наказания за преступление, то его называют иначе – *penal law (code)*, *droit penal*, *strafrecht* – от лат. "*poena*" (наказание), то есть право о наказании. В русском языке такой двойственности в названии нет. И в этом смысле понятие уголовного права как бы объединяет обе идеи (и преступления, и наказания), не отдавая предпочтения ни одной из них" [34].

Действительно, если, основываясь на национально-правовом подходе, связывать понятие уголовное право исключительно с охранительными уголовно-правовыми отношениями (в их традиционном понимании), то "международное уголовное право" – это право о "международном наказании", и, следовательно, им может быть названо только международное уголовное право *stricto sensu*. Именно поэтому многие ученые ограничивают это понятие интерпретацией *stricto sensu*.

Если же рассматривать "международное уголовное право" как право о "международном преступлении", то в широкую трактовку международного *криминального* права можно вкладывать все международно-правовые нормы, сосредоточенные вокруг понятия "*crimen*", а это большой массив норм, регламентирующих взаимодействие национальных уголовных правосистем в реагировании на преступление и предупреждении преступности. Вне зависимости от того, будем мы говорить о существовании сформировавшейся отрасли международного права или о гетерогенном комплексе норм, не объединенном единством метода правового регулирования и не заслуживающем "звания" отрасли права, очевидно, что эти нормы име-

ют между собой бóльшую степень единства, нежели, допустим, с международным космическим правом. Очевидно и то, что этот комплекс норм нуждается в каком-то названии.

Следует ли объединять названием "международное уголовное право" весь этот комплекс или такого обозначения "достойна" только часть его, регламентирующая основания и порядок привлечения индивида к уголовной ответственности по международному праву, – это, в конечном итоге, не предмет спора, а вопрос договоренности. Многие аргументы сторонников узкой концепции звучат убедительно. Тем не менее более полутора сотен лет термином "международное уголовное право" называли и продолжают называть всю эту гетерогенную массу норм. И тот факт, что советская юридическая наука некоторое время сопротивлялась использованию термина, не изменил складывавшуюся десятилетиями тенденцию. Такова реальность, на которую трудно повлиять научными изысканиями. Не исключено, что интенсивное развитие международного уголовного права *stricto sensu* приведет к тому, что строгая интерпретация этого термина вытеснит широкую концепцию, но пока она уверенно сохраняет свои позиции.

Таким образом, можно констатировать, что в международном праве сформировалась отрасль, получившая название "международное уголовное право". Составляющие ее нормы неоднородны. Поскольку уголовное преследование лиц, совершивших международное преступление, осуществляется в рамках национальной или международной юрисдикции, солидарное уголовное преследование может выражаться: а) во взаимодействии национальных юрисдикций, то есть принимать транснациональный характер; б) в деятельности органов интернациональной юстиции, то есть носить интернациональный характер в строгом значении. Соответственно, в международном уголовном праве можно выделить две подотрасли.

Первая подотрасль международного уголовного права регламентирует основания и порядок привлечения индивидов к уголовной ответственности органами международной уго-

ловной юстиции, устанавливая редкие для международно-правовой системы вертикальные отношения, в силу чего за ней утвердилось название "международное уголовное право *stricto sensu*". Эта подотрасль регулирует не только материально-правовые основания привлечения к международной уголовной ответственности, но и международное уголовное судопроизводство и судопроизводство [35]. Внутри нее наметилась тенденция к обособлению процессуальных норм в "международный уголовный процесс" [36].

Вторая подотрасль устойчивого обозначения не получила. Она состоит из норм, которые не могут функционировать вне национального правового пространства: эти нормы либо регламентируют определенные аспекты взаимодействия национальных правосистем (например, в вопросах экстрадиции), либо являются обязательствами, влияющими на национальное право. За пределами международного уголовного права *stricto sensu* юридические отношения остаются традиционно горизонтальными. В последнее время в юридической литературе встречаются предложения определять совокупность таких норм как "транснациональное уголовное право" [37]. С этим предложением, считает автор статьи, можно согласиться.

Транснациональное уголовное право охватывает всю сферу, имеющую отношение к международному сотрудничеству в противодействии преступности, за исключением тех ее аспектов, которые относятся к международному уголовному праву *stricto sensu*, и включает в себя: 1) транснациональное материальное уголовное право, представляющее собой систему международно-правовых норм, направленных на регламентацию материально-правовых вопросов национальной уголовной юрисдикции и экстрадиции, а также на гармонизацию криминализации наиболее значимых в международном плане правонарушений и установления соразмерных и эффективных уголовных санкций; 2) транснациональное процессуальное уголовное право, состоящее, как минимум, из двух частей: а) международно-правовых норм, регламентирующих взаимодействие национальных правоохранительных и судебных органов в це-

лях привлечения к ответственности виновных лиц ("право взаимной помощи государств по уголовным делам", включая процессуальные аспекты экстрадиции); б) международно-правовых норм, направленных на оптимизацию функционирования национальных правоохранительных и судебных систем и обеспечение гарантий прав человека в уголовном судопроизводстве; 3) транснациональное уголовно-превентивное право, регламентирующее взаимодействие государств в предупреждении преступности.

Нормы национального права, касающиеся межгосударственного антикриминального взаимодействия, зачастую получают эпитет "международные", не будучи включенными в международно-правовую систему. С другой стороны, "уголовными" являются нормы, имеющие как национальное, так и международно-правовое происхождение. Таким образом, и в национальной, и в международной правовых системах есть "свое" международное уголовное право, что не создает комплексной отрасли права, но совершенно определенно требует комплексных научных исследований.

Международное уголовное право как комплексная научная дисциплина изучает складывающиеся в процессе международного противодействия преступности правоотношения, а также нормы международного и национального права, регламентирующие сотрудничество государств в уголовном преследовании лиц, совершивших международные преступления, и предупреждении преступности. Не оспаривая правомерность определения международного уголовного права как отрасли международного права (это, если можно так выразиться, "внутреннее дело международного права"), автор считает необходимым подчеркнуть, что термин "международное уголовное право" используется им, преимущественно, в значении научной дисциплины.

В этом контексте международное уголовное право – концептуально связанная, последовательная и интенсивно развивающаяся сфера юриспруденции, охватывающая международные аспекты всех наук криминально-правового

цикла, а также уголовно-правовые аспекты науки международного права: в этом смысле ее можно назвать комплексной. Ее предмет выходит далеко за пределы одноименной отрасли международного права.

Безусловно, обозначение разных по объему и содержанию понятий одним и тем же термином крайне нежелательно и вызывает справедливую критику. Для обозначения научной дисциплины можно предложить множество других названий (например, "международное антикриминальное право"), однако, как показало время, мало шансов, что они вытеснят из научного оборота использовавшийся в течение многих десятилетий термин "международное уголовное право".

Находясь в сфере науки международного права, международное уголовное право не перестает быть частью уголовной юриспруденции. Некоторые из исследуемых проблем связаны, в большей мере, с международным публичным правом (например, учреждение и юрисдикция органов международной уголовной юстиции, иммунитеты от уголовной юрисдикции); другие, например, проблемы экстрадиции, "не вмещаются" в рамки международного права и в равной мере относятся к внутригосударственному; третьи (например, вопросы национальной уголовной юрисдикции) регламентируются национальным правом и выходят на международный уровень, главным образом, в случае коллизии, образуя "коллизийное уголовное право". Можно привести и другие примеры, когда требование однозначного и жесткого разграничения вопросов национального и международного права является неадекватным. Следовательно, можно говорить о тенденции сглаживания такого разграничения. При изучении проблем уголовного права, выходящих за национальные границы, особенно сложно разделять вопросы национального и международного права. Напомним, что доктрина международного уголовного права, практически с самого начала, стала рассматриваться как включающая в себя, в сущности, весь диапазон проблем, связанных с транснациональными аспектами применения внутренних уголовно-правовых сис-

тем. Безусловно, права Н.Ф. Кузнецова, когда пишет, что предмет науки уголовного права включает в себя исследование международного уголовного права [38]. Преступление, став международным, не перестает быть преступлением. Принадлежность международного уголовного права к уголовной юриспруденции не вызывает ни малейших сомнений.

Принадлежность норм, регламентирующих антикриминальное взаимодействие государств, к международно-правовой и национально-правовой системам на лишает международное уголовное право его феноменологического единства. Это единство обеспечивается тем, что оно сосредоточено на изучении преступного и уголовно-наказуемого поведения, мер реагирования на него и его предупреждения в международном масштабе. Уголовное преследование, пресечение и предупреждение международных преступлений осуществляется посредством мер, принимаемых как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Так как международным уголовным правом занимаются специалисты международного и уголовного права, они используют различные подходы при изучении одних и тех же вопросов. "Хотя несогласие между специалистами по уголовному и международному праву может временами создавать проблему недостаточности доктринального единства, именно объединение этих двух отраслей юриспруденции в одно целое придает международному уголовному праву его силы и жизнеспособность" [10, с. 9].

Список литературы

1. Szaszy I. Conflict-of-laws Rules in International Criminal Law and Municipal Criminal Law in Western and Socialist countries // *International Criminal Law*. – Vol. II. / Compiled and edited by M.C. Bassiouni, V.P. Nanda. – Harles C. Thomas-Springfield, 1998. – P. 135.
2. Буткевич В.Г. Міжнародне кримінальне право// Міжнародне право. Основні галузі; за ред. В.Г. Буткевича. – Київ, 2004. – С. 681.
3. Wise E.M. Terrorism and the Problems of an International Criminal Law // *Connecticut Law Review*. – 1987. – № 19.
4. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении; пер. и ред. В.Э. Грабаря. – Юрьев (Дерпт), 1909. – С. 312.
5. Грабарь В.Э. Материалы к истории международного права в России (1647-1917). – М., 1958. – С. 456.
6. Захаров Н.А. Курс общего международного права. – Петроград, 1917. – С. 231-232.
7. Schwarzenberger G. The Problem of an International Criminal Law // *Current Legal Problems*. – 1950. – № 3. – P. 63-96.
8. Bassiouni M.C. An Appraisal of the Growth and Developing Trends of International Criminal Law // *Revue Internationale de Droit Penal*. – 1974. – № 45. – P. 405-433.
9. Malekian F. The Monopolization of International Criminal Law in the United Nations: a Jurisprudential Approach. – Stockholm, Sweden: Almqvist & Wiksell International, 1995.
10. International Criminal Law and Procedure; ed. by J. Dugard, C. van den Wyngaert. – Dartmouth Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney: Dartmouth Publishing Company Limited, 1996.
11. Bassiouni M.C. International criminal law conventions and their penal provisions. – Irvington-on-Hudson, New York: Transnational Publishers, 1997.
12. Sunga L.S. Emerging System of International Criminal Law: Developments in Codification and Implementation. – Martinus Nijhoff, 1997.
13. International Criminal Law; ed. by M. C. Bassiouni. – Dobbs Ferry, NY: Transnational Publishers, 1999.
14. Saland P. International Criminal Law Principles // *The International Criminal Court. The Making of the Rome Statute Issues, Negotiations, Results*; ed. by Roy S. Lee. – The Hague, London, Boston: Kluwer Law International, 1999. – P. 189-216.
15. Bantekas I., Nash S., Mackarel M. International Criminal Law. – London: Cavendish Publishing Limited, 2001.
16. Kittichaisaree K. International Criminal Law. – New York: Oxford University Press, 2001.
17. Cassese A. International Criminal Law. – Oxford: Oxford University Press, 2005.
18. Ромашкин П.С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права // *Советское государство и право*. – 1948. – № 3. – С. 27-30.
19. Ромашкин П.С. Вопросы международного уголовного права в Организации Объединенных Наций // *Советское государство и право*. – 1949. – № 2. – С. 26-35.
19. Ромашкин П.С. Развитие советской науки международного уголовного права // *Уголовное право. История юридической науки*. – М., 1978. – С. 266-307.
20. Ромашкин П.С. Международное уголовное право на службе мира и демократии // *Советское государство и право*. – 1975. – № 5. – С. 69-76.
21. Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы международного уголовного права // *Советское государство и право*. – 1947. – № 3. – С. 21-29.
22. Шаргородский М.Д. Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве // *Вестник Ленинград. ун-та*. – 1947. – № 8. – С. 44-59.
23. Панов В.П. Международное уголовное право: учеб. пособие. – М., 1997.

24. Международное уголовное право: учеб. пособие; под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1999.
25. Лукашук И.И., Наумов А.В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве. – М., 1998.
26. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право: учебник. – М., 1999.
27. Номоконов В.А. Международное уголовное право: учеб. пособие. – Владивосток, 2001.
28. Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. – СПб., 2003.
29. Иногамова-Хегай Л. В. Международное уголовное право. – СПб., 2003.
30. Бойко А. И. Международное и российское уголовное право. – Ростов н/Д., 2004.
31. Костенко Н.И. Международное уголовное право: современные теоретические проблемы. – М., 2004.
32. Блищенко И.П., Фисенко И.В. Международный уголовный суд. – М., 1998. – С. 8.
33. Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. – М., 1983. – С. 3.
34. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – М., 1996. – С. 1.
35. Substantive and Procedural Aspects of International Criminal Law: The Experience of International and National Courts, Commentary; ed. by G. K. McDonald, O. Swaak-Goldman. – Kluwer Law Intl. – 1999.
36. Safferling C. J. M. Towards an International Criminal Procedure. – Oxford, Oxford University Press, 2003.
37. Boister N. "Transnational Criminal Law" // European Journal of International Lawl. – 2003. – Vol. 14. – №. 5. – 956, 963.
38. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1.: Учение о преступлении: учебник для вузов; под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М., 2002. – С. 4-5.

В редакцию материал поступил 31.07.07.

